

К 80-летию поэта (1937-1975)

АГАВА

Расцвела агава в южном парке,
Цвет фонтаном заструился ярким.
Тридцать лет живет всего агавы
И цвести лишь раз имеет право.
Только раз — цвести высоким цветом,
Увядая навсегда при этом.
Как её возвысила планета —
Умереть от собственного цвета!..

В СИНЕМ ЦЕХЕ

Только утро разбрежжится синью,
Торопливо уйду со двора.
Я работаю в цехе — Россия,
В синем цехе красы и добра.
Пусть дороги круты, словно годы.
Глубине поучусь у сохи.
Мне, рабочему парню завода,
Так нужны до зарезу стихи.

Петь так петь!
Чтобы слабый с постели встал
И небо подпёр головой,
Чтобы люди от песни добрели,
Заполнились глаза синевой.
Но пока только вёрсты да вёрсты,
Да горит мой дорожный костёр,
Да летят полуночные звёзды
В голубые ладони озёр.
И дрожит молодая осина,
Что погореть пришла у костра,
Я работаю в цехе — Россия,
В синем цехе красы и добра.
(1966)

ВДОВА

У дороги, на краю села,
В домике саманном небогатом
Одиноко женщина жила,
Вдовушка погибшего солдата.

Было ей не больше тридцати,
Скрылась радость
за военной далью...
И коса тугая на груди
Завивалась чёрною печалью.

...Как, бывало, выйдет на покос
Всем на зависть ловкой и нарядной,
Мужики зашепчутся всерьёз:
— Красота!

Аж поглядеть отрадно!

И к таким восторгам не глухи,
Потайнуху проторив дорожку,
Часто к ней стучались женихи,
Да ни с чем катились от порога.

И, как тайну, свято много лет
Сохраняя простоту и силу,
Возле сердца маленький портрет
В медальоне желтеньком носила.

И дивились бабы всем селом
Чистоте любви осиротелой,
Что она, тоскуя о былом,
Вроде лучше счастья не хотела.

Что вы, бабы, суеитесь зря?
Жизнь не просто повернуть сначала.
Знать, она, по правде говоря,
С прежним мужем

ровни не встречала.
(1963)

ВЕТРЫ

Развел в пути я множество костров
И в час прозренья

для себя приметил:
Раскроен мир на тысячи ветров,
Есть ко всему

попутный в жизни ветер.
Есть ветер зла, есть ветер суеты,
Попутный ветер

к зависти, бессилью...

ТАМ ДРУГИЕ ПЕСНИ

Как тебе, подруга Юлька,
В этих дальних заграницах,
В незнакомых переулках,
Где совсем другие лица?

Что тебя там держит, греет?
Ну неужто в самом деле
Этот домик на Бродвее
Иль прибавка, может, в теле?

Ты — мечтательная юность,
Ясность глаз, желаний, действия.
В мир иной ты окунулась
И не чувствуешь злодейства

Той страны, такой богатой,
Обеспеченной, красивой,
Что не видит гибель братьев,
Боль людей твоей России.

Ты, наверно, вместе с нею,
Со своею США,
Там поёшь иные песни.
И проходишь не спеша

Мимо жуткого позора,
Что испачкал вашу честь?
Чувство гневного укора
Мало у кого там есть.

Моё светлое далёко,
Моя нежная душа,
Вам не стало одиноко
В этом новом доме — США?

Знаю, есть и дочь, и внуки.
Жизнь неспешная пошла.
Не гнетёт тебя разлука,
И не мечется душа?

У тебя всего так много:
Не нуждаешься ни в чём.
Не сужу тебя я строго —
Было б счастье ещё...

КОНЕЦ СПОРА

"Вы — бессловесные рабы", —
Кричала женщина в трамвае.
Мы только что в вагон вошли.
О чём был спор ещё не знали.

Она сражалась как могла:
Простыми, хлесткими словами.
И наступила тишина
В том переполненном трамвае.

Был шёпот: "Мол, она больна,
И что, наверно, это — старость".
Но почему в её глазах
Я видела такую ярость.

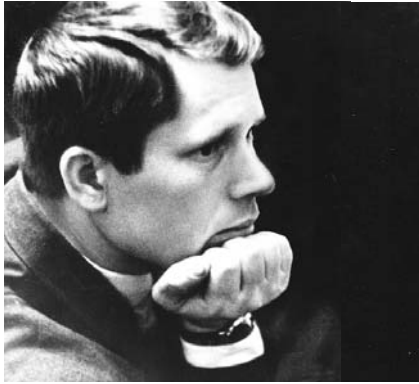
И невозможность пробудить
В попутчиках своих участия.
И вышла ветеран войны
На костылях...

С улыбкой счастья.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Дети войны —
на фронтах воевали:
Снаряд подносили,
Вагоны взрывали,
В разведку ходили,
Окопы копали.

О сколько душ они перебесили
И никому не дали доброты!

Я сам стоял на тысяче ветрах...
И, по крови упрямый от рождения,
Хоть и падал я, но, презирая страх,
Оставил сердцу ветер восхождения.
Он дует в грудь и замедляет бег
И высекает ранние седины...
Но зарубил я для себя навек —
Не верь ветрам,

что дуют резко в спину!
Они тебя закрутят, заведут,
Куда и сам ты никогда не метил...
Острый чутьё, когда идёшь на ветер,
Хоть путь тяжёл,
подъём к вершине крут.
Но ты придёшь

к вершине бездорожьем.
И крыльям даст упрямству высоту.
И сам увидишь, к твоему подножью
Так подхалимски, жалостно, ничтожно
Прилипли зависть, злоба, суета...
(1975)

ГОЛОВА

*Я рождён,
чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели мой.*
Лермонтов

А во сне, как будто наяву,
Застонала на бугре трава.
Закружилась буря... И в траву
С плеч моих скатилась голова.

И её упрюгие ветра
Покатали рястно с бугра.
Чёрный смерч бунтует в вышине!
И бегу я в муках через рвы.
Закричали люди в стороне:
— Гляньте, гляньте, он без головы! —
Я не знаю сам, кого молю:
— Придержите голову мою!

Высоко поднял июльский день
Меч пудовый вражеской молвы:
Кто огонь, кто облако, кто пень
Мне совали вместо головы...
Только я сквозз посвист ветряной
Слышал голос дальний и родной:
— Упадёшь — и будут все правы,
Если ты умрёшь без головы...

Я бежать за головой устал.
И восход под всплохи берез,
Лебедям над омутом привстав,
Мне её высоко преподнёс.
От беды прозрев, — да знать врагу —
Голову для битвы берегу!
(1970)

ГОЛУБОЙ КОСТЁР

Поля, поля — ни края, ни границ...
Над колыханьем зреющего хлеба
На перелыных радостные птиц
Задумчиво облокотилось небо.
Родная Русь! Костёр мой голубой!
Веди меня дорогою столетий!

Какой, скажи, таинственной звездой
Ты зажжена для нас на этом свете!
Ни чернозём и ни сосна, ни гриб
Нам не открыли тайну ту доселе,
Ни запахи мёда от цветущих лип,
Ни журавли, летящие в апреле.
Но нам выросли, окутанные в синь,
В живую грудь твои рассветы, горы...
Как жаль — душа не может отразить
И высекать ранние седины...
Какой, скажи, таинственной звездой
Ты зажжена для нас на этом свете!
(1967)

Вячеслав БОГДАНОВ

И видел он рассвет в родном краю,
И Петроград, колонны боевые,
И борозду колхозную свою,
Что им была проложена впервые...
Родная Русь! Костер мой голубой!
Веди меня дороною столетий!
Какой, скажи, таинственной звездой
Ты зажжена для нас на этом свете!
(1967)

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Я молодость, как буйного коня,
Всё гнал, всё гнал
по кручам и долинам.
И не вгляделся на пути недлинном
В ночную мглу,

в простор зелёный дня.
Мы в молодости временем щедрый.
Бросал я дни налево и направо.
Безумно жёг высокие костры,
Беспечно падал в луговые травы.
Судить себя за это не берусь.
Всему свой час,

всему земные сроки...

И счастлив я,
что под звездой высокой
Она всегда неповторима — Русь!
И день ко дню

склоняет время плотно,
И удаляет молодость мою.
Где раньше я промчался мимолётно,
Теперь в большом раздумии стою.
Из мглы ночной продвинулись ко мне
Высокой тайной вековые сосны.
В игольчатой сквозной их тишине
Ушедшие колынули в сердце вёсны.
И увели в простор зелёный дня,
Где даль встаёт дымами и стогами...
Земля качнулась тихо под ногами
И понесла — усталая — меня.
К раздумиям о буйствах тишины,
О тишине кипенья грозового...
А для чего мы в мире рождены
И для чего родятся люди снова?
Им снова жить бездумно до поры
И дни бросать налево и направо...
И разжигать высокие костры,
Беспечно падать в луговые травы...
И к ним придти раздумья —

жизни груз,

Всему свой час,

всему земные сроки...

И скажут вновь,

что под звездой высокой —

Она всегда неповторима — Русь!
(1974)

ПОБЕДА

Памяти отца, погибшего на фронте
На рубеже войны и мира
Солдатам в касках боевых,
Как невзорвавшаяся мина,
Она казалась в первый миг.

Ещё рейхстаг дымил кудлато,
В глаза лез пепел, словно страх...
Ещё к горячим автоматам
Цепляли диски вгорячах.

Ещё в прифронтовом санбате
Кричал в бреду сержант: "Вперёд!"
Ещё, как чёрное проклятье,
Фашистский падал самолет.
Ещё не высохли чернила
Победной маршальской руки...
И ещё столбы не зачехлили
В победный миг фронтовики, —
Победа! Вот она, Победа!
Прими её, солдат-герой!..

Ты начиналась от рассвета
Июньской страшною порой.

От снов отцов непробудимых
И величавой славы их,
От глаз прощальных и любимых
На всех перронах горевых.
Ты начиналась долгожданно
И увлекла за собой,
Как лейтенант, срывая раны,
Ведёт солдат в неравный бой...

Была ты верой всенародной
От первой огненной черты.
Чем дальше ты уходил в годы,
Тем всё ясней твои черты...
(1975)

СВЕТУНЕЦ

Ходят ветры вечерние кротко.
Гнутса травы от росных колец.
Новый месяц обрамился чётко,
— Наполняйся огнём, светунец!
Восходя из росистой низины,
Из простора лугов и полей,
Зачерпни свет серебряно-синий
И обратно на землю пролей!
И замечутся тени в тревоге,
Ослеплённые острым огнём,
И никто не собьётся с дороги
В неподкупном свеченье твоём.

СЛОВО

Каждый день идут дожди сурово.
Залезили думы и глаза.
Залегло несказанное слово,
Где с землёй сомкнулись небеса.
Слово, слово — дальняя жар-птица!..
На каком искать его пути?
И с небес к нему не опуститься,
По земле к нему не подойти...
Погляжу во все концы без страха
И спрошу, как самый давний друг:
— Подскажи,

ты слышишь, славный пахарь,
Подскажи, известный металлиург?!
Перед правдой — дело не уроним!
Добывая слово, словно честь...
Чтоб его, как яблоко в ладони,
В час усталый людям преподнести.

РОДИМЫЙ ДОМ

Н. Тряпкину
К дверям забытым я зимой приеду,
Замочный ключ

до боли сжав в горсти.
И улыбнусь хорошему соседу,
И попрошу мне клещи принести.

Я в дом родной вернусь

не блудным гостем!
И, как любовь, я ключ к нему сберёг.
И под рукой застонут длинно гвозди
И упадут, как слёзы, на порог...

Прости, но мы должны расстаться.
И быть нам вместе — невозможно.
И не тебе, не мне решать,
Что и кому сейчас ты должен.

И жизнь
мы не начнём
сначала.
Любовь я нашу
не виною.
Я так
о счастии
мечтала!
Уйди.
Не сможешь?
Прогоню.

ДО СВИДАНИЯ, ОСЕНЬ!

Улыбнулось утро
Солнечным рассветом.
Осень, глянув хмуро,
Отступила в Лету.

Падают снежинки.
Ветерок морозный.
Вновь зимы картинки.
До, свиданья, осень.

Провожаем годы
И встречаем утро.
Но считает кто-то
Все свои минуты.

ОСВЕНЦИМ — ПОМНИМ

Всего лишь десять лет спустя
После победы
В Освенцим привезли меня —
В ад чёрной бездны.

Ангары там — до потолка:
Пинетки, шёлты.
Вокруг кричало на века:
Смотри! Запомни!

Очки, оправы для очков.
Детей игрушки:
Машинки, мишки всех цветов
И погремушки...

Запомни бункеров окно,
Где газ впускали.
Где длинной лентой на забой
Людей сгоняли.

За всем за этим, люди, —
смерть

И море крови.
Сказала я себе:
смотрины!

И всё запомнить!

Чтоб ужас той большой войны
Не повторился,
Вставайте,
люди всей земли!

И не проспите
Бездонность неба,
шум дубрав,
Дыханье моря.
Чтоб мир держать в своих руках,
Всё надо помнить!

ДАЙ БОГ

Дружеские — и не очень...

И СНОВА

О ЛЮБВИ

*Дай бог не вляпаться во власть
И не героизировать подложно,
И быть богатым, — но не красть,
Конечно, если так возможно.*
Евгений Евтушенко

*В любви вовеки не умру,
И что мне бесов рать!
Я с женщиной денег не беру,
А мог бы, мог бы брать.*
Лев Котюков

Литературные пародии

Дай бог не обижать жену,
Прощенья всем, кого обидел,
И если что-то умыкну,
Дай бог, чтоб кто-то не увидел.

Дай бог судье на лапу дать
И верить: всё в суде уладят,
И дальше книги издавать,
Конечно, если не посадят.

Дай бог, чтоб срок был небольшой
И впрок тюремная котлета,
Чтоб быть поэтом, — но с душой,
Достоинной звания поэта.

ПРЕВОСХОДСТВО

*Когда, раздвинув острий поленья,
Наружу выйдет лезвие огня,
И наваждение стихосложения
Издайка накатит на меня...
Я вспоминаю лепет Пастернака.*
Сергей Гандлевский

Когда свой томик трепетно беру
И с ним ложусь
в тенёк под куст малины,
То вспоминаю всякую муру —
Сюсюканье Цветаевой Марины.

Когда автограф с важностью даю
И еду на побывку в Комарово,
То вспоминаю, как галиматью,
Сухое бормотанье Льва Толстого.

Когда на свадьбе

через тёмный сад
До ветру будем бегать мы, слабея,
То мы поймём,
что пили суррогат,
И вспомним стих

Гандлевского Сергея.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

*Я бы в Томске томился,
В Туруханске струхнул,
На окно бы косился,
Опустившись на стул.*
Александр Кушнер

Города изучаю
И жую беляши.
Я в Сахаре бы чаю
Настигал от души.
Съём я в Тете тетерю,
Выйду в Були бульон,
Я по атласу сверю
Свой дневной рацион.
В Гусь-Хрустальном румяный
Будет ждать меня гусь,
Я на стул, словно пьяный,
Тяжело опускаюсь.
Съев в Салайне салаку,
По стихам загрузу,
А пока Титикару
Я на карте ищу.

В берега, оплавленные зноем,
Присмирив на время, улеглось.
Что его негоданом взъярило?
Не бывает бури без причин!
И какая зоревая сила
Вывывала камни из глубин?
Озеро бунтует не впервые,
Раздвигая берега, как тьму.
Назвели воды дождевые
Про свободу-волюшку ему...
Потому металось так мятежно!
Может быть, поднявшись на дыбы,
Океан увидело безбрежный
Из своей кольцованной судьбы!
Но ему из берегов разбитых
В океан прорваться не дано!
И крутые камни, как обиду,
Засосало илистое дно.
(1970)

ВО ВЛАДИМИРЕ

С. Никитину

Здесь Русь моя
на все четыре стороны
В зелёной व्यюге внешнего огня.
Зубчатými лобастými соборами
Устало смотрит древность на меня.
Пусть опустели башни колокольные,
И ржавь легла от вековых ветров.
Но слышу я — идут на битву воины
Под перезвон седых колоколов.
Легат равнины, росами омытые,
И Русь моя огнём озарена.
Дрожит земля

под конскими копытами,
И на крестах распята тишина.
Я слышу гром и стон за перелесками,
А у Кремля рыдающий народ.
О, дайте мне доспехи князя Невского
И верный ключ от Золотых ворот...
(1966)

СТИХИ О РОДИНЕ

*Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.*
А. Блок

Что за сны мне снятся, что за сны?
Будто бы живу не в этом веке.
И звенят победные доспехи,
Возвращаюсь с Невским я с войны.
Что за сны мне снятся, что за сны?

Я убил. — И смолкли соловьи.
Стёр мой конь о синеву подковы...
И над гулким полем Куликовым
Солнце встало на людской крови.
Я убил. — И смолкли соловьи.

...Вот сижу я в хате у окна:
Посинела в чугуне картошка...
Царь на тройке мчится за окошком...
Зреет дума, как чугун черна...
И сижу я в хате у окна.
Далеко уходит майский день,
Вся деревня в радости весенней,
И шагает по полю к нам Ленин,
И в руках у Ленина — саженъ...
Далеко уходит майский день.

Что за сны мне снятся, что за сны?
Я утрами напрягаю память.
И какими долгими ветрами
С вековой пахнуло стороны!!
Что за сны мне снятся, что за сны?
Это думы предков-россиян,
От земной доверчивой любви,
В плоть мою ворвались по крови,
В земляничном зареве полян...
Думы — думы предков-россиян!..

Новый день зажгёт в степи зарю,
Родина, иду к твоим огням.
Мирный день, что предки дали нам,
В добрых снах потомкам подарю!
Новый день зажгёт в степи зарю...

Народная поэзия

НА ДЕБАТАХ

Не на войне и не в окопах,
А за дебатными столами
Решают знатоки за хлопцев,
Что на Донбассе погибают:

Куда им уголь отвезти,
Кому вручить руды отходы.
В дебатах есть и слово "жизнь",
А жизнь сама сейчас уходит.

Не могут выхода найти
Ни государства, ни народы.
Но в каждый миг любой войны
Уходит человек, уходит.

Вновь озверел оскал войны,
Хотя мужает ваше братство.
Простите нас, сыны страны,
Что вы ушли, не попрощавшись.

ЖАННА д'АРК

А Ленка — наша Жанна д'Арк —
Всё рвётся собственной судьбой
Ввязаться в огненный пожар,
Встать рядом — на передовой.

Всё рвётся к ним на баррикады.
Зовёт, рыдает и кричит.
Но мало кто стремится к аду.
И мир опять трусливо спит.

А Ленка вновь себя терзает:
"Нет, им погибнуть не дадут".
В её мечтах те побеждают,
Что праведным путём идут.

Но боится Ленкиных проклятий!
Вам отольются её слёзы.
Уже встают другие братья
Иных земель и новороссий.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Бордюры, асфальты, покрытия
Снесут и поставят кафе.
Скажите, когда же, как к жителю,
Хоть кто-то заглянет ко мне.

Имею заветную папочку.
В ней акты и просьбы пишу.
Окно занавешено тряпочкой,
В санузел с зонтом я хожу.
Давно никакой вентиляции.
"Обрезана", — мне говорят.

Всё надо помнить...

Марина ЛЮБИМОВА